

Петр Артемьев

Полдень

Петр Артемьев

Полдень

«Нордмедиздат»

2013

Артемьев П.

Полдень / П. Артемьев — «Нордмедиздат», 2013

ISBN 978-5-457-22766-8

Петр Вадимович Артемьев сочиняет с 1996 года. Попробовал себя в поэзии, драматургии, прозе. «Полдень» – драматическая фантазия в трех частях.

ISBN 978-5-457-22766-8

© Артемьев П., 2013
© Нордмедиздат, 2013

Содержание

I	5
II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Петр Артемьев

Полдень

I

*Огромен в Гренадерске Зимний сад.
В длину и ширину он квадрат —
Три сотни метров с каждой стороны.
Полсотни метров – высота стены,
Еще на сотню метров вырос купол,
Из разноцветного построенный стекла,
Через которое светило солнце скупю.
И, чтоб растительность под куполом росла,
Под ним висел из плазмы желтый шар,
Искусственное солнце: свет и жар
Он излучал. Ландшафт был разделен,
В масштабе копией служба природных зон.
Здесь было все в миниатюре: мини-горы,
И мини-водопады горных рек,
Сосновый бор, долины и озера.
Привольно чувствовал себя здесь человек,*

*От мерзости спасаясь гренадерской
И обретая радость и покой,
Не угнетенный страхом и тоской.
Директор Сада был Денис Флоренский.
А в центре Сада, там где виноградники,
Амфитеатр расположился на холме.
Спектакли на арене шли и праздники,
Не то что в Городе, где мрачно, как в тюрьме.
Но в бочке меда, как известно, ложка дегтя:
В Саду была пустыня – сушь и жар,
И кактусы там выпустили когти,
Росло там также дерево анчар.
Анчара сок смертельно ядовит —
К нему шли те, не выдержал кто гнета
Унылой жизни, выбрав суицид,
Чтоб разом кончились и скорби, и заботы
И в Лету канули, а может быть, в нирвану...
Денис Денисович с Мариною Ивановной,
Своею матерью, гуляют по лесной Аллее.
На скамейку под сосной
Они садятся.*

СЫН

Говоришь ты сухо,
И у тебя сегодня хмурый вид,
Моя любая фраза тебя злит.

МАТЬ

Ворчать старухи любят. Я – старуха.

СЫН

Не в этом дело.

МАТЬ

В чем же?

СЫН

Ты обид
В себе скопила горечь. Этой желчью
Ты отравилась. У тебя хандра.

МАТЬ

Старуха я, в могилу мне пора.

Денис Денисыч обнял мать за плечи.

СЫН

В Саду уединение, прохлада.
Я в Комитет запретов-разрешений
Сегодня вызван как Директор сада.
На имя Зольца, Председателя, прошение
Подам, чтоб жить в Саду нам неразлучно.

МАТЬ

Тебе со мною будет очень скучно.

СЫН

Уединение, прохлада здесь.

МАТЬ

Уйди!
Уединение с прохладой – в груди.
В груди прохлады. Места нет на свете,
Куда бы убежал ты от себя.
В груди уединение.

СЫН

Ответь мне:
Мы станем вместе жить?

МАТЬ

Зачем жить не любя?

СЫН

Я руку протянуть тебе готов,
А ты змею мне подаешь в ответ.
Прости, несешь какой-то суший бред.
Не понял я подтекста твоих слов.

МАТЬ

Ты понял все... Не надо в Комитет
Ходить с ходатайством к тирану-упырю.
Благодеяний не приму от Зольца.

СЫН

И почему?

МАТЬ

Не надо, говорю.
Удава пусть на мне сомкнутся кольца,
Но это лучше, чем поклон твой низкий.
Не надо Сада мне – давно я так решила.
Сосут пусть кровь мою – сама я вскрою жилы.
Тарелки подставляют пусть и миски.
Я не предам себя. Слова мои запомни!

СЫН

Тогда скажи, зачем ко мне пришла —
Колоть меня словами как игла?

МАТЬ

Пришла затем, что не запрещено мне.

СЫН

Ворчишь, ворчишь...

МАТЬ

Нормально для старух.
Когда ты к Зольцу едешь на поклон?

СЫН

Пришлет машину он.
Сигнал подаст клаксон
Два раза.

МАТЬ

«Дважды пропоет петух...»
Что станешь ты вымаливать у Цензора?

СЫН

Театра нашего репертуар везу —
Спектаклей, Праздников – на утверждение Цезарю
Антипычу.

МАТЬ

Поплачь, пусти слезу —
И утвердит он все твои Мистерии.

СЫН

Хочу тебя увидеть на премьере я.
В Театр завтра в полдень приходи.
Пообещай, что будешь — не нуди.

МАТЬ

Считаю это времени потерей.

СЫН

Ты даже в этом отказала сыну.
А может, передумаешь — придешь?

МАТЬ

И не мечтай — мизинцем я не двину.

СЫН

Отказа этого хочу узнать причину.

МАТЬ

Театр и Сад твой маскируют ложь.
Красивая обертка ям помойных,
Листочек фиговый на обнажёнке мерзкой
И запах розовый в парах вонючих, гнойных
От гнойных лазаретов Гренадерска,
В котором заправляет Зольц-прохвост.
Тебя он приманил своей подачкой —
И ты на поводке его собачкой,
А мне, старухе, надо на погост.

СЫН

Ты вбила в голову, и это очень дурно:
Могила, гроб, а может, с пеплом урна.
Тебя снедает черная хандра,
А жить хотеть значительно полезней.
Театр и Сад — лекарство от болезней
И горестей. И если боль остра,
Приходят граждане сюда — им в радость

Сад мой. И эта радость – воздуха глоток.
И обществу от этого есть прок,
Но казус очень странный и досадный,
Чего я ожидать никак не мог,
Что это не по сердцу моей маме.

МАТЬ

Мне не по сердцу то, что кандалами
Сковали всех, загнали в планы, схемы,
А граждане молчок – как рыбы немы,
Ведь ты даешь приятный им наркоз:
Пускай забудутся в объятьях сладких грёз,
И это факт, реальная картина,
И это мне особенно противно.
Живешь, как в клетке с четырьмя углами,
Все за тебя решает Комитет:
Дает он предписания, регламент,
Что делать разрешается, что – нет.

СЫН

Ты думаешь, что человек я низкий,
Как на лакея смотришь и на труса,
Но иногда иду, поверь, на риск я,
Еще к нему не потерял я вкуса.
Все невозможно делать по указке.
Не спросишь Цензора – тогда на риск идешь.

*Во взгляде матери мелькнула тень опаски,
Как будто мысль ее ужалил страха нож.*

МАТЬ

Не нарывайся, действуй осторожно:
Тебя они порвут на клочья, вдрызг.
Меня не слушай – я ведь отморожена.
Не будь героем, не иди на риск.
Прости меня, характер мой несносен,
И кругом голова идет от вихрей войн.
Навеки лечь бы здесь, в лесу, меж трав и хвой,
В тенистой тишине душистых сосен!
Устала я, от жизни я отрезана.
Мне б упокоиться!

СЫН

Я понимаю Ужас твой.
Но как же с убеждением, что мужество

Страх побеждает высоты у края бездны?
Слова ты эти повторяла часто,
За слабость малодушных укоряя.
Так где же мужество твое?

МАТЬ

Сказала, баста!
Читать не нужно мне мораль – стара я.
Остыла кровь во мне. О чем же речь?
Лишь только юные горячими телами,
В которых дуновеньем жарким пламя
Готово хлам и мусор мира сжечь,
Кричат: «Ненужное несите мне,
Пусть сгорит все на моем огне!»
Огонь угас. Теперь хочу я «лечь».

СЫН

Огонь твой не угас. Он до сих пор горит
В твоих стихах. Поэзии строка
Надежде путь дает, как факел маяка.
Поэта прозорливостью открыт
Закон звезды и формула цветка.
Последнее прибежище живых,
Мой Зимний сад погибнет и завянет,
Когда поэтов на земле не станет.

МАТЬ

Уйти, уйти. Уход мой будет тих.
Ведь лучшая, уверена, победа
Над временем и тяготеньем —
Пройти, чтоб не осталось следа,
Пройти, чтоб не оставить тени.
Сомнений нет. Слова мои честны:
В одно мгновение закончатся все войны.
А ну-ка проводи меня, конвойный:
Хочу пройтись с тобой до той сосны.

СЫН

Ты о своем опять, все та же канитель.
На мозги давишь мне. Не легок этот пресс.

МАТЬ

А что такого? Если колыбель —
Лес для меня, то и могила – лес.

Деревья, к вам иду, от рыночного рыка
Чтобы спастись, и в живоплещущую ртуть
Листвы бросаюсь, сирота и горемыка,
Чтобы в священных рощах утонуть.

СЫН

Так чем же Сад тогда тебе не кров?
В сыновнем доме проживать отрада.

МАТЬ

Островитянка я с далеких островов.
Всяк дом мне пуст, и сына мне не надо.
Одно лишь место есть в твоём Саду,
Где будет хорошо мне: там анчар
Растет, распространяя вредный пар.
К анчару этому в пустыню я пойду,
А от него – в «далекие края»...

СЫН

Ну, что ж, иди, раз ты себе внушила
И эта мысль свербит тебя, как шило.
Но есть условие: пойду «туда» и я...
Ведь только так с тобою буду квит,
И это – ультиматум.

МАТЬ

Сын мой, мальчик,
На стебле тонком белый одуванчик!
И мной не понято, что он в земле зарыт.
С тобой, Денис, к анчару не пойдем:
Наговорила глупостей я сдуру.
Пусть станет Сад теперь мой новый дом,
И я готова клясться тебе в том,
Что впредь ворчливою не буду и понурой.
Ты, крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья,
Я тебе повелеваю – будь!
Я не выйду из повиновенья.
Я постоянной стану гостьей Театра.
О чем спектакль, который будет завтра?

СЫН

Два в пьесе главных действуют лица:
Зен и его возлюбленная – Кори.

У них малыш родился. На отца
Похож он, копия его. Но горе
Приходит к ним: супруга Зена, Эра,
Ревнивая и властная мегера,
И братья младшие, зовут их Марк и Сид,
Возненавидели ребенка – и убит
Он зверски был, а мать его в темницу
Была отправлена.

МАТЬ

Любовь и криминал.

СЫН

Но зрителей счастливый ждет финал:
Зен встретил подходящую девицу,
Родившую опять его подобие.

МАТЬ

Для взрослых сказочка, красивая утопия.

СЫН

Мистерия! Ребенок втайне рос,
Мужал, расцвел, как первоцвет весенний,
И окружающим впоследствии принес...

МАТЬ

Пустая выдумка, обман бесплодных грёз.

СЫН

Принес он Счастье, Радость и Спасенье.

МАТЬ

Сентиментальности сопливой до хрена.
Все приторно, как патока, повидло...
А что с младенца матерью?

СЫН

Она...

МАТЬ

Не делай паузы. Что с ней?

СЫН

Она погибла.

МАТЬ

Ну, что поделаешь? Всегда бывает так
С тем, кто вступает в незаконный брак.

СЫН

Прости меня, на мне лежит гора
Вины перед тобой. Сказать я был обязан,
Но утаил.

МАТЬ

Скажи, ведь я стара.
Не трусь: забывчив старческий мой разум.
Поэтому не будет долгой боль.
Ну, говори!

СЫН

Я тайно сам женат.

МАТЬ

Ищите женщину, в ней кроется вся соль.

СЫН

Прости меня, я очень виноват.

МАТЬ

И кто твоя избранница?

СЫН

Она
Совсем еще не опытна, юна.
В ней фальши нет, она вся настоящая:
То загрустит, то, раззадорясь,
Счастливой станет вдруг Долорес,
Такое имя у нее.

МАТЬ

«Скорбящая».
С испанского дала я перевод.

СЫН

Друг друга любим мы.

МАТЬ

В чем нет совсем труда,
А трудно сохранять из года в год
Свою любовь, то есть любить всегда.
Ведь в браке поначалу лишь все гладко.

СЫН

Есть для меня в ней тайна и загадка —
Поэтому не разлюблю ее...
У нас Ребенок будет скоро.

МАТЬ

Вот так раз!
Беременность — вот в женщине разгадка.

СЫН

Заметно в ней несходство с остальными.
Ее характер мнительный, вид хрупкий,
Но бесшабашными быть могут и шальными
Намеренья Долорес и поступки,
Хоть выглядит она ранимой, кроткой.

МАТЬ

Ведет она себя как идиотка.
Больные люди взбалмошны, капризны.

СЫН

Есть мнение: безумство — мудрость жизни,
Безумство храбрых...

МАТЬ

Докажи сперва
Ты Зольцу, что не трус и не слабак.

А то одни слова, слова, слова.

СЫН

Закон нарушил я и утаил наш брак
От Комитета и от Зольца...

МАТЬ

И напрасно.
Ведь это так рискованно, опасно.
Ты бы спросился моего совета.
Не будь героем, не иди на риск:
Тебя он порвут на клочья, вдрызг.
Мне эта новость как стрела из арбалета.
Я нудная, стервозная старуха,
Как головная боль, тебе – морОка я.

СЫН

Ты не такая.

МАТЬ

А какая? Громко – в ухо
Скажи, что предрассветное, высокое
Я «небо». Я не слышу. Громче голос!
Молчишь. Твой небосклон теперь Долорес...
Прости меня, ведь мать твоя – зараза.

Тяжелая последовала пауза.

МАТЬ

Недавно вспомнила и вдруг я испугалась
(Возможно, беспокоиться и глупо):
Тебя одна актриса домогалась —
Ты мне рассказывал – актриса вашей труппы.
Фамилия фон Керр, зовут Эрида.
Не переспал ты с ней, а жаль – нанес обиду
Ты этой бабе.

СЫН

Это же гадюка!
Я б голову дубиной ей растер.
С ней рядом находиться – это мука,
К чему тут об интима разговор?

МАТЬ

К тому, что надо быть с ней начеку.

Клаксон сигнал два раза дал.

МАТЬ

Ку-ка-ре-ку!
Ступай, приехали «они», из Комитета.

СЫН

Да, мне пора. Но прежде слово дай,
Что не уйдешь через пустыню в «дальний край».

МАТЬ

На эти глупости я наложила вето.
Тебя люблю. Вот если б не любила,
Тогда бы подступила смерть-садовница.
Мы станем жить вдвоем – пусть обождет могила! —
Ты, я и женщина твоя, любовница.
И в тихой радости пойдут за днями дни.
Все вещи станут ясными, простыми.

СЫН

Ты обождешь меня?

МАТЬ

Да посижу в тени.

СЫН

И не пойдешь «туда»?

МАТЬ

Что делать мне в пустыне?

Уходит он. Флоренская одна.

МАТЬ

Сын разлюбил меня. Ум рассуждает здраво:
Что мне нужней всего? Конечно, вечность сна,
Который даст смертельная отрав.

*Она к анчару медленно идет,
И шагу в ритм нашептывает рот:*

МАТЬ

«В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Один, как вечный часовой,
Анчар стоит во всей вселенной».

II

*В правительственном здании-дворце
Был Разрешений и запретов комитет,
А в нем располагался кабинет,
Где всемогущий Зольц сидел. В одном лице
Он Председатель комитета был и Цензор.
Величественно звали Зольца – Цезарь,
По отчеству Антипович. Просторным
Был кабинет его. Угрюм и мрачен Зольц.
Одет в мундир официальный, черный,
Два ряда пуговиц по пять, как десять солнц,
Блестели золотом. Седая шевелюра
На голове как грива льва. Усы, борода.
Пятиконечная звезда под подбородком,
На шее орден. Смотрит Цензор хмуро
На монитор огромный, во всю стену.
Он тайно видел предыдущую всю сцену.
Флоренскую он видит на экране,
Идущую устало по пустыне...*

ЗОЛЬЦ

Флоренская любовью к сыну ранена,
В ней это чувство и до смерти не остынет.
И этой мыслью – вовсе не нова она —
Я ранен сам и бешено ревную.
Я побежден Мариною Ивановной.
Как ревность превзойти в себе больную?
Где силы взять, чтоб палачом-прокрустом
Стать собственным, мещанское чтоб чувство
Иссечь в себе решительно, без слов?
А я же рассуждаю лишь о казни.
Хоть завтра мой Великий полдень, праздник,
А к встрече с Ним я, значит, не готов:
В себе не полюбил презренье к ранам.

Флоренская промолвила с экрана:

ФЛОРЕНСКАЯ

Для человека есть на свете выбор:
Туда плыви, куда позволят плыть,
И это значит – будешь просто рыбой.
И вариант другой: вообще не быть.
Как хорошо! Не пресмыкаешься на пузе,
Не угрожает кнут, не соблазняет пряник.

ЗОЛЬЦ

На монолог здесь Гамлет аллюзия.

ФЛОРЕНСКАЯ

«О чем жалеть? Ведь каждый в мире странник.
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.